

**СПЕЦИФИКА ПОСЛЕДСТВИЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 285 УК РФ (ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ
ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ)****Вихарева Наталья Николаевна**

студент, ФГБОУ ВО «УрГЮУ», РФ, г. Екатеринбург

Место преступных последствий в структуре преступлений определяется в теории уголовного права по-разному. Так: «Ряд авторов придают ему самостоятельное значение, роль самостоятельного признака, характеризующего объективную сторону преступления. Другие авторы рассматривают преступные последствия как завершающий момент действия. Третьи относят последствия одновременно и к действию, и к объекту преступления. Поскольку вследствие воздействия посягательства на объект преступления одновременно с окончанием деяния наступают преступные последствия, можно утверждать, что каждая из трех названных позиций имеет право на существование» [8, С. 111].

Однако следует согласиться с мнением Соктоева З.Б., согласно справедливому утверждению которого «Раскрытие понятия последствий совершения преступления подчинено задаче выявления юридически значимой причинной связи, позволяет с большей конкретизацией определить место преступного результата в структуре уголовно-правовой причинности, в структуре преступления в целом. Как компонент причинной связи преступные последствия представляют собой самостоятельное социально-правовое явление, в котором повторяются свойства и закономерности преступного деяния, отражаются характер и особенности объекта преступления» [8, С. 112].

«Отличительная характеристика коррупционных преступлений состоит в следующем: посягая на нормальное функционирование государственных, муниципальных, частных организаций, они не только снижают их авторитет в обществе, но и подрывают у граждан уверенность в защищенности своих прав и законных интересов» [10, С. 65].

Однако прежде всего следует отметить, что «...увеличение масштабов коррупции приводит к возникновению в российской экономике ряда негативных явлений, в том числе неэффективное распределение и расходование государственных средств и ресурсов; неэффективность распределения финансовых потоков с точки зрения экономики страны; снижение объемов собираемых налогов; повышение уровня зарегулированности экономики» [6, С. 74].

Уголовно-правовая доктрина современности (например, такие ученые-юристы как С.В. Борисов, А.А. Каширкина, А.Н. Морозов) вводит также понятие коррупционных рисков. Так, «Под коррупционным риском следует понимать вероятность (возможность) проявлений коррупции и наступления неблагоприятных последствий, вызванных ими. При этом под неблагоприятными последствиями имеются ввиду не только последствия в виде материального и иного ущерба, но и меры юридической ответственности, применяемые к организации и ее должностным лицам, снижение доверия со стороны граждан и органов власти, а также ухудшение репутации организации. Таким образом, коррупционные риски имеют комплексный характер» [3, С. 190].

Указанное понятие должно соотноситься, следовательно, с последствиями совершения злоупотребления и превышения должностных преступлений как соотношение общего и частного.

Далее, «поскольку преступные последствия представляют собой вредные (негативные) изменения в охраняемых уголовным законом объектах, классификация преступных последствий должна быть связана с классификацией объектов уголовно-правовой охраны» [8, С. 122].

Так, «наиболее распространенная классификация преступных последствий разделяет все последствия можно на три разновидности:

- 1) последствия, которые прямо перечислены в законе;
- 2) последствия, хотя и не перечисленные в законе, но влияющие на ответственность виновного;
- 3) последствия, с точки зрения уголовного законодательства безразличные для правовой оценки преступного посягательства» [8, С. 123].

Следовательно, обоснованным представляется вывод о том, что правоприменитель в каждом конкретном случае должен устанавливать, ради предотвращения каких именно преступных последствий установлен тот ли иной уголовно-правовой запрет.

Помимо представленной классификации в доктрине уголовного права, исходя из социального содержания преступных последствий, выделяется классификация таких последствий на три группы:

- основные;
- дополнительные;
- факультативные.

При этом, «основными последствиями признаются такие последствия, именно для предотвращения которых создавалась изначально конкретная уголовно-правовая норма. Например, ст. 143 УК РФ. Дополнительными по отношению к основным последствиями следует считать те последствия преступного посягательства, которые наступают неизбежно наряду с основными, но задача их предотвращения решается законодателем попутно (например, причинение тяжкого вреда здоровью, при нарушении правил охраны труда). К факультативным же последствиями следует относить те преступные последствия, которые могут и не наступить при совершении преступного деяния, однако законодатель, конструируя норму, учел такую возможность их причинения виновным. Например, истязания при совершении преступления, предусмотренного ст. 117 УК РФ» [8, С. 123].

Одновременно, необходимо в каждом конкретном случае учитывать, что «при доказывании события преступления ряд его элементов должен быть установлен независимо от того, имеют ли они уголовно-правовое значение или нет, поскольку без такого установления мы во всех случаях не можем считать полностью доказанным событие преступления» [8, С. 121].

Кроме того, важное значение приобретают последствия совершения злоупотребления должностными полномочиями при формировании и анализе критерия общественной опасности указанного преступления. Так, «согласно ст. 6 УК РФ степень общественной опасности деяния, наряду с обстоятельствами совершения преступления и личностью виновного, должна выступать критерием назначения справедливого наказания, или иных мер уголовно-правового характера. В связи с этим, следует согласиться со следующим выводом: ведущими и определяющими для общественной опасности всей совокупности преступлений являются объективные признаки деяния, а среди них - объект и последствия преступления» [8, С. 91].

Последствия же совершения коррупционных преступлений являются одними из самых сложных императивных квалифицирующих элементов составов таких преступлений. Как справедливо отмечается в литературе, «Если при совершении злоупотребления должностными полномочиями должностным лицом, не наступили установленные уголовным

законом последствия, такие деяния следует квалифицировать как дисциплинарный проступок» [5, С. 21].

Последствия основного состава злоупотребления должностными полномочиями сформулированы в соответствующей статье следующим образом: «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом прав и интересов общества и государства». При этом следует обратить внимание, что термин «существенное нарушение» является оценочным. Волженкин Б.С., например, признает существенными следующие нарушения: «нарушение прав и свобод физических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ» [4, С. 144].

Что касается правоприменителя, Верховный Суд РФ признает существенными следующие последствия: «создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности (например, создание должностным лицом препятствий, ограничивающих возможность выбрать в предусмотренных законом случаях по своему усмотрению организацию для сотрудничества)» [2].

Кроме того, как справедливо отмечает Яни П.С.: «При установлении последствий в виде существенного нарушения необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного такой организацией материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического, морального или имущественного вреда» [11, С. 81].

Кроме того, уголовный закон называет особо квалифицированный состав злоупотребления должностными полномочиями, который осложняется дополнительным основным элементом состава в форме наступивших последствий, которые названы в законе как «тяжкие последствия».

К тяжким последствиям в доктрине уголовного права чаще всего относят «...длительная остановка транспорта или производственного процесса, крупные аварии, дезорганизация работы государственного или муниципального органа или учреждения, причинение по неосторожности смерти или тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку, самоубийство или покушение на самоубийство, материальный ущерб в крупном размере» [6, С. 180].

При этом, несмотря на оценочный характер указанных тяжких последствий, для правоприменителя и для требований законной и обоснованной квалификации требуется, чтобы такие последствия обладали свойствами, позволяющими так или иначе установить их размер, величину, степень, иные количественные либо качественные характеристики.

При этом, «если в процессе вымогательства взятки должностное лицо совершило действия (бездействие), повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, содеянное при наличии к тому законных оснований должно быть дополнительно квалифицировано по статье 285 или 286 УК РФ» [2].

Далее, следует согласиться со Смеловой С. В., которая предлагает «разделить п. «а», ч. 3, ст. 286 УК РФ на два самостоятельных подсостава превышения должностных полномочий:

- применение насилия не опасного для жизни или здоровья или угроза применения такого насилия (побои или иные насильственные действия, связанные с ограничением свободы потерпевшего (связывание рук, применение наручников и др.), причинением ему любой физической боли, либо угроза его применения);
- применение насилия опасного для жизни или здоровья или угроза применения такого насилия (насилие, повлекшее причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, причинение легкого вреда здоровью, кратковременное расстройство здоровья, незначительная стойкая утрата общей трудоспособности» [9, С. 201].

Также автор справедливо предлагает: «...закрепить признак с применением насилия не

опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой такого насилия в ч. 2, ст. 286 УК РФ, а с применением насилия опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой такого насилия — в ч. 3, ст. 286 УК РФ» [12, С. 26].

Поскольку анализируемое преступление имеет высокую общественную опасность, и в первую очередь, как неоднократно отмечалось ранее, наносит урон репутации и престижу государственных и муниципальных органов власти, возникает справедливый вопрос: возможно ли осуществление в дальнейшем, после осуждения, должностным лицом своих профессиональных обязанностей?

Ведь, «сохраняя статус должностного лица, такой гражданин может продолжить преступную деятельность, либо воспрепятствовать производству следственных и судебных действий по уголовному делу, а также оказывать воздействие на свидетелей-сотрудников, находящихся у него в прямом должностном подчинении» [7, С. 201].

Такая мера процессуального принуждения в частности предусмотрена Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г., которая предусматривает «...в целях обеспечения выполнения договаривающимися сторонами обязательств по защите демократических институтов и ценностей, предупреждению, искоренению коррупции и формированию антикоррупционной политики установление процедур, с помощью которых должностное лицо, обвиненное в совершении преступления, может быть в надлежащих случаях смещено, временно отстранено от выполнения служебных обязанностей, или переведено на другую должность соответствующим компетентным органом» [1].

Кроме того, публичный характер этой меры «позволяет допустить ее применение только по решению соответствующего суда, в производстве которого находится уголовное дело, на основании ходатайства органа следствия (дознания), исходя исключительно из общественных и государственных интересов» [7, С. 202].

Можно ли признавать применение таких процессуальных мер последствием совершения анализируемого преступления. Представляется, что подобные меры являются мерами ответственности, и их следует разграничивать с последствиями совершения преступления. Вместе с тем, когда отсутствие должностного лица приводит к временной невозможности нормального функционирования соответствующего органа власти, что в свою очередь приводит к дезориентации государственной деятельности, такие последствия можно рассматривать в качестве преступных последствий.

Список литературы:

1. Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 // Подписана от имени Российской Федерации в г. Мерида (Мексика) 9 декабря 2003 г. Ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 N 40-ФЗ.
2. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009 №19 // Российская газета. №10. 2009.
3. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: монография / С.В. Борисов, А.А. Каширкина, А.Н. Морозов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, А.В. Федорова. М.: ИЗиСП, 2015. 296 с.
4. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М., 2000. 251 с.
5. Григорова К.С. Уголовная ответственность должностных лиц и органов публичной власти // Российский следователь. 2016. N 19. С. 19-22.
6. Иноземцева Л.Н. Экономические последствия коррупции // Преодоление коррупции -

главное условие утверждения правового государства / Под ред. А.И. Комарова. М., 2009. Т. 1. С. 74-81.

7. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие: в 2 ч. / В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, Н.А. Колоколов и др.; под ред. В.М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. Ч. 1. 516 с.

8. Соктоев З.Б. Причинность и объективная сторона преступления: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. С. 110-115.

9. Смелова С. В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий: дисс... кандидата юридических наук: 12.00.08. Вологда, 2009. 274 с.

10. Шалагин А.Е., Кабиров Д.Э. Приоритетные направления предупреждения коррупционной преступности на современном этапе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. №1 (19). С.64-70.

11. Яни П.С. Взяточничество и должностное злоупотребление: уголовная ответственность. – М., 2002. 162 с.

12. Petrova I.A. This is to concern the issue of particularly qualifying features of abusing of office // European journal of law and political sciences. 2015. №2. P. 26-32.